

Андрей СОБОЛЬ

Рассказ о голубом покое

в девяти неправдоподобных главах

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Глухое брожение

О том, что было до сирокко, до того, как сорвался он с гор,-- рассказывать нечего.

Всё начинается с сирокко, всё начинается с той минуты, как потемнел Везувий -- нахлобучил он по уши мохнатую шапку сизо-облачную, в последний раз дохнул дымной струей, точно закурил напоследок; одна-две затяжки -- и нет Везувия. А Капри давно уже потонул в бледно-синем тумане.

И пошёл гулять сирокко вдоль морского берега.

В Позитано он скovyрнул две-три крыши, и кувырком понеслись к морю плиты да плиточки, в Амальфи затанцевали-запрыгали оловянные рыбы в руках святого Андрея -- бедный рыболов еле удерживал их, как его собрат, святой Антоний, на площади в Сорренто с трудом тяжким и терпением, воистину святым, защищал спиной своей кронштейны электрических проводов.

Едва-едва не слетел венчик с бронзовых кудрей святого покровителя Сорренто, но зато кронштейны, ввинченные в спину святого, уцелели, и потому не погасли бесчисленные лампочки в соррентских отелях и не остались короткобрючные иностранцы и иностранки в клетчатых юбках без света. И потому по вечерам могли шуршать в салонах всех рангов английские иллюстрированные журналы, американские спортивные листки и немецкие еженедельники, и потому могли все мисс, все фрекен и все фрейлейн продолжать свои вязания, вышивки.

Всё начинается с сирокко.

По утрам он вёл себя ещё довольно сносно,-- только слегка резвился, как молодой ослик без поклажи; по утрам он лишь слегка щекотал берлинские, нью-йоркские, стокгольмские и прочие нервы, до первого завтрака пока что только намекал.

Но к четырём часам ослик с катастрофической быстротой немедленно превращался в разъярённого буйвола, к чёрту, к дьяволу летели такие никчёмные, ненужные и смехотворные вещи, как узда, вожжи,-- и тысячи, миллионы, миллиарды ослиных криков потрясали небеса. А знаете ли вы, как кричит один только неаполитанский осёл?

Крики сплетались, свивались и жгутом, толстым и крепким, били наотмашь по бедным человеческим головам. Человек извивался, человек захлёбывался, как идущий ко дну неудачный пловец, человек в бешенстве наглухо запирали окна, ставни, двери, законопачивал себя подушками, одеялами, но сирокко походя сводил всё насмарку, и все преграды и все препоны обращал в ничто -- в пустяк, в ерунду -- и давил сверху, и надавливал с боков, и выползал из-под ног.

А с пансионом "Конкордия", стоявшим на отлёте, на горке, по пути из Амальфи в Сорренто, сирокко поступил ещё проще: медным котлом прикрыл весь дом, всю голубую "Конкордию" со всеми её пристройками, вышками, надстройками и мезонинами, прикрыл плотно, без единой щелочки, от флагштока до последней куртины и по медному котлу забарабанил молотками,-- тысячерукий заклёпщик.

Вторую неделю выл сирокко -- неутолённо, неудержимо беспощадно.

Всё начинается с сирокко.

И первой запротестовала гордость пансиона и сладостное утешение хозяина сеньора Розетти румынская княгиня m-me Стехениз-Мавропомеску, чью фамилию итальянским губам никак не произнести, но от каковой на таких же губах круглоголового, круглолицего и круглоногого Пипо Розетти играет и радуется постоянная сахарная улыбка. О, нет, не приторная, не нарочитая сладость, а искренняя, от души идущая, от самого нутра (тем паче, что княгиня медлительна в темпах уплаты за пансион), выступающая из всех пор, как выступает пот после восхождения на манящую вершину.

И вершина пансиона,-- предел пансиона, завершение пансиона,-- довольно короткими, но